

в любых условиях ученый должен знать все, что возможно и невозможно. Урок я хорошо усвоила и потратила немало лет на то, чтобы ликвидировать данный пробел, заполнить лакуны в своем образовании, тем более что это оказалось увлекательным и весьма полезным занятием. Яков Фомич своим личным примером задавал нам нормы научности, профессионализма. Он не любил дилетантов. Правда, французский, как и многие другие языки, я, увы, так и не выучила.

Еще один момент в моей профессиональной судьбе тоже был связан с решением, которое принимал именно Яков Фомич. После аспирантуры я десять лет работала на кафедре философии медицинского института. Наступил момент, когда моему мужу предложили заведовать этой кафедрой, а мне, как «родственнице», нужно было ее покинуть. Именно тогда раздался звонок Якова Фомича с предложением перейти в университет. Это нужно было сделать быстро, да я и так летела как на крыльях.

Так в 1975 году я оказалась в университете, где проработала почти двадцать лет, о которых вспоминаю как о плодотворных, интересных, по-хорошему трудных и счастливых. Почти сразу мне поручили руководить диссертационными исследованиями. Вместе с Яковым Фомичом мы, молодые ученые, увлеченно разрабатывали довольно сложные и «коренные» проблемы диалектики, ее принципы, основания, категории, участвовали в междисциплинарных исследованиях.

Яков Фомич был крупной, яркой личностью. Может быть, слишком крупной для Саратова. Это позволяло ему быть в известной степени независимым и давало право на что-нибудь сильно рассердиться.

Его речь всегда была убедительна, часто остроумна. Он везде был кстати и оказывался в центре событий, будь то заседание кафедры, конференция или банкет. Яков Фомич любил острое слово. Вспоминаю некоторые его замечания в мой адрес: «Тамара Петровна, почему вы все время в одной и той же кофточке?» – «Не переживайте, Яков Фомич, я ее часто стираю». И еще одна шутка. Яков Фомич часто называл меня, подсмеиваясь, «женщиной из-за овражья». В самом деле, я до сих пор живу на другом «берегу» Белоглинского оврага. Но Яков Фомич имел в виду, конечно, не место проживания, а нечто другое. И он был совершенно прав. Светлая ему память.

Его удивительный смех

И.В. ПОРОХ

доктор исторических наук, профессор

Не каждое знакомство перерастает в дружбу на долгие годы, согревает теплотой взаимности. Наши взаимоотношения с Яковым Фомичом, начавшиеся с астраханского землячества, были

долгими и искренними. В день моего 70-летия он подарил мне свое стихотворение, в котором была такая строфа:

«Стираются в памяти лица,
Тускнеют, как в дымке, глаза,
Но сердце не хочет смириться, – Звучат в нем
друзей голоса».

Слова эти оказались символическими. И не забывается не только голос Якова, но и его удивительный смех...

«Не мешать аспиранту работать»

Н.А. ГОРБАЧЕВ

доктор философских наук, академик

В начале 50-х, когда Яков Фомич Аскин окончил аспирантуру философского факультета МГУ, я был еще студентом и, к сожалению, не был с ним знаком. Судьба свела нас в 1958 году, когда Яков Фомич согласился быть моим научным руководителем. Вспоминаются многие его оригинальные изречения. Он, в частности, говорил, что «задача научного руководителя – не мешать аспиранту работать».

После защиты им докторской диссертации один из преподавателей заявил: «Яков Фомич, а вы совсем не изменились», на что Аскин даже воскликнул: «Было бы страшно, если бы я изменился!»

За полгода до его неожиданной кончины я как-то звонил Якову Фомичу и сказал, что считаю его «своим учителем», он с удовлетворением ответил, что ему это нравится.

Щедрый наставник

Е.В. ЛИСТВИНА

доктор философских наук,
профессор кафедры философии
культуры и культурологии Саратовского
государственного университета

В памяти моего поколения Яков Фомич остается признанным и безоговорочным авторитетом в области науки. Но для тех, кто сталкивался с ним ближе, он раскрывался с еще одной стороны. Это был удивительно чуткий учитель, бережно относившийся ко всем замыслам и проектам молодых ученых, щедрый наставник, умело направлявший наши интересы, тактично и корректно позволял раскрыться тому творческому потенциалу, который, может быть, мы и сами в себе еще до конца не осознавали. Он нам дал «путевку» в дальнейшую научную жизнь, свое благословение, а также возможность реализовать себя в науке.